

№ 28 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Октябрь, 2015

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНФЛИКТАХ: ОТ ЭСКАЛАЦИИ ДО МИЛИТАРИЗАЦИИ

Раффаэле Маркетти

Об авторе:

Раффаэле Маркетти

Профессор международных отношений в Университете LUISS Guido Carli, г. Рим

Оглавление

Конфликтное общество 4

Проблема контекста в деятельности организаций конфликтного общества 5

От эскалации до милитаризации конфликта 8

Механизмы политизации 10

Заключение 14

Библиография 14

Гражданское общество теперь играет ключевую роль в конфликтах, особенно внутригосударственных. Этому способствует трансформация конфликтов, которым все больше присущи такие характеристики как высокая степень напряженности, наличие трансграничных, этно-религиозных противоречий и опосредованного влияния различных международных сил на развитие ситуации. Как правило, при изучении конфликтов основное внимание уделяется роли властей и официальных структур как на национальном, так и международном уровнях. Соответственно, считается, что как за насилием, так и за миром стоят исключительно политические решения органов власти. Хотя это отчасти так, в этой статье я хотел бы посмотреть на обратную сторону медали, а именно, изучить неправительственную составляющую конфликтов. Представители гражданского общества или, как я их называю, *организации конфликтного общества* (ОКО), играют все большую роль в современных, все более сложных и многомерных конфликтах. Такие конфликты поддаются анализу только при условии изучения общества на макро и микроуровнях. Только микроанализ позволяет выявить поступающие снизу, то есть от гражданского общества, политические сигналы, как плохие, так и хорошие, и проследить, как они доходят до высших эшелонов власти. Особенно это актуально для обществ, которым присуща высокая степень раздробленности при отсутствии устоявшихся органов управления. Именно в таких недееспособных государствах, охваченных этно-политическими конфликтами, «низы» играют ключевую роль в политической жизни. Таким образом, чтобы понять, что становится непосредственным толчком к насилию, необходимо сконцентрироваться на изучении политических процессов на микроуровне.

Общепризнано, что в мирном обществе гражданское общество играет ключевую роль в укреплении демократического образа правления. Однако в ходе конфликтов гражданское общество может оказывать гораздо более существенное влияние на политику. Поскольку во время конфликтов наблюдается рост политизации, тогда как институциональные рамки становятся менее жесткими, в такое время может происходить активизация гражданского общества. В то время как при стабильной политической системе гражданское общество может быть достаточно инертным, во время конфликта степень его мобилизации может увеличиваться. При этом политизация приобретает качественно иной характер, поскольку на кону оказываются вопросы жизни и смерти. В отличие от мирного времени, во время конфликтов в силу экзистенциальной природы политики и сопутствующего стремления снизить риски появляются другие социальные стимулы к мобилизации (Buzan, Wæver, & De Wilde, 1998). Соответственно, такая политическая обстановка затрагивает различные сферы жизнедеятельности, что приводит к активизации различных общественных сил во многих сегментах общества. В силу различной трактовки причин конфликта и того, как следует действовать, действия представителей гражданского общества могут быть направлены на углубление конфликта, поддержание статуса-кво и содействие мирному урегулированию.

Разворачивающиеся в настоящее время конфликты в Сирии, Ливии и Украине, а также уже ставшие историей конфликты в Руанде, на Кипре, в Мозамбике, в Восточном Тиморе, бывшей Югославии или палестино-израильский конфликт представляют собой наглядные примеры того, сколь значимую роль играют организации гражданского общества в конфликтах.

Конфликтное общество

В работах, посвященных гражданскому обществу и конфликтам, уделяется существенное внимание теме глобального гражданского общества и транснациональных общественных движений, в частности, их роли в предотвращении и прекращении войны (Douma & Klem, 2004; Forster & Mattner, 2006). В то же время, роль гражданского общества в развязывании, предотвращении и урегулировании конфликтов на местном уровне пока недостаточно изучена. В тех же случаях, когда роли местного гражданского общества все-таки уделяется внимание, например, в работах, посвященных национализму, его представители часто играют отрицательные роли, выступая в качестве фундаменталистов или националистов, и не представляют собой силу, потенциально способную инициировать преобразования мирным путем (Kaldor & Muro-Ruiz, 2003). В исследованиях переходных периодов гражданское общество, как правило, рассматривается как проводник курса на демократизацию, сторонник использования средств дипломатии и экономической модернизации. То есть речь идет о либеральном видении «миротворческой» деятельности и инициатив по «укреплению мира» (Richmond, 2005). В то же время, роль гражданского общества на местном уровне часто оказывается за пределами внимания. В недавних работах, сочетающих подходы социологии развития с изучением вопросов безопасности, под гражданским обществом в ходе конфликтов обычно понимаются международные неправительственные организации (НПО) западного типа и местные либеральные НПО, получающие финансирование от западных стран (Chandler, 2001). В результате, не учитывается, что гражданское общество не сводится к таким НПО. В данной статье я анализирую особенность роли гражданского общества в конфликтах на местном и международных уровнях.

Термин «гражданское общество» охватывает широкий круг лиц, среди которых встречаются деятели и организации местного и международного уровня, независимые и полугосударственные структуры. Идентичность и деятельность организаций гражданского общества проявляются в ходе конфликта. Поэтому я уделяю особое внимание анализу именно таких организаций, которые я называю «организациями конфликтного общества» (ОКО) (Marchetti & Tosci, 2011a, 2011b). В конфликтное общество входят все местные организации гражданского общества, связанные с конфликтом, а также иностранные и транснациональные организации гражданского общества, задействованные в соответствующем конфликте. Используя термин «конфликтное общество» вместо более широкого понятия «гражданское общество во время конфликта», я хочу показать, что в ходе конфликтов гражданское общество в гораздо большей степени включает элементы «гражданского» и «негражданского» поведения, нежели в какое-либо другое время (Chambers & Kopstein, 2001). В то же время, использование терминов «гражданское» и «негражданское» общество создало бы ложное впечатление, что эти два типа действий можно легко разделить между собой. В действительности, во время конфликта граница между этими двумя типами поведения размыта. Нет единообразия и среди представителей конфликтного общества в силу разнообразия организаций. Под ОКО понимаются местные и международные организации, принимающие активное участие в конфликте. Они включают экспертов по конфликтам, деловое сообщество, частных лиц, исследовательские и образовательные учреждения, активистов, религиозные группировки, фонды и СМИ.

Проблема контекста в деятельности общественных организаций

Для того чтобы понять природу и роль конфликтного общества, нужно, в первую очередь, обратить внимание на контекст. В научной литературе значимость этого аспекта в развитии гражданского общества редко признается и принимается в расчет. Однако очевидно, что при анализе деятельности гражданского общества в конфликтных зонах за пределами Западной Европы необходимо учитывать контекст с точки зрения его влияния на ситуацию. Соответственно, первой переменной в нашем анализе деятельности гражданского общества в ходе конфликта является обстановка, в которой оказываются соответствующие организации. В этой связи возникает сразу несколько важных вопросов. Возможно ли существование гражданского общества в недееспособном государстве, при авторитарном режиме, при проведении курса на этнический национализм, в малоразвитых странах или в условиях чрезмерного международного присутствия? В основе данной статьи лежит идея о том, что существование гражданского общества возможно в таких условиях и является реальностью, при условии использования достаточно широкого толкования самого понятия гражданское общество. При этом облик, роль и функции гражданского общества полностью определяются контекстом. Поскольку гражданское общество выступает в качестве независимого источника перемен, являясь одновременно продуктом существующих структур, велика вероятность существования большого разнообразия организаций гражданского общества, включая как «гражданские», так и «негражданские» силы, занимающиеся различными видами деятельности. К ним относятся множество организаций от различных религиозных движений в Ливане во время и после войны до «судов» в Сомали и различных племенных организаций в Ливии. В данной статье представляется необходимым выделить несколько общих видов обстановки, что даст возможность оценить и понять контекст, на фоне которого действуют организации гражданского общества во время конфликтов.

При анализе обстановки необходимо в первую очередь учитывать такую основополагающую характеристику как существование или отсутствие государства, то есть, не находится ли государство, в котором действуют организации гражданского общества, в состоянии распада или является недееспособным. Изначально считалось, что существование гражданского общества тождественно наличию государства или тесно с ним связано (Hobbes, Locke). Однако в дальнейшем утвердилось мнение, что гражданское общество занимает пространство между государством, семьей и рынком, поддерживая двухстороннюю связь между населением и государством, то есть, оказывая на него влияние и, в то же время, находясь под его воздействием. Грань между государством и гражданским обществом очень зыбка, обусловлена множеством факторов и постоянно меняется. Кроме того, во многих исследованиях по НПО утверждается, что организации гражданского общества часто ближе к государству, нежели к обществу. Таким образом, государство неизбежно оказывает определяющее влияние на природу и деятельность гражданского общества.

Это стало особенно справедливо после окончания «холодной войны». Нередко законно признанное государство либо недееспособно, либо находится в состоянии распада, тогда как функционирующие государственные институты не признаны и, таким образом, находятся в юридическом плане в подвешенном состоянии. В условиях отсутствия или слабости государства, его разобщенности или распада, и без того нечеткая грань между государством и гражданским обществом становится еще более размытой. Сравните, хотя

бы, современную ситуацию в Ираке и Сирии с ролью организаций гражданского общества при смене режимов в Тунисе и Египте во время так называемой «Арабской весны».

Приведем в качестве примера мобилизацию и поляризацию на Украине при отсутствии государства. Появившиеся после Майдана организации взяли на себя функции обеспечения безопасности и обороны, заменив не справившееся с этими задачами государство. «Гражданское общество фактически занялось обеспечением безопасности. Во-первых, речь шла о непосредственном исполнении функций по обеспечению безопасности. В ходе демонстраций были созданы силы самообороны, а когда начались столкновения на востоке страны, появились батальоны добровольцев. Во-вторых, силами гражданского общества осуществлялось оснащение и снабжение армии и осуществление логистики (медицинская и административная работа) даже на передовой. В-третьих, гражданское общество занималось наблюдением и контролем за безопасностью и руководило военными операциями на Донбассе» (Puglisi, 2015, 3). По данным Министерства внутренних дел, по состоянию на 1 января 2014 г., для обеспечения общественного порядка в стране было создано 3 713 общественных организаций общей численностью 76 000 человек.

В подобных ситуациях гражданское общество берет на себя часть функций, которые обычно выполняет нормально функционирующее государство. Какой бы спорной не казалась эта мысль, но ИГИЛ кардинально заменяет собой государство. Его боевики теперь выполняют функции, которые некогда исполняли правительства Ирака, Сирии и Ливии, например, в том, что касается правосудия и образования. Будучи не связанным законами и правилами общества, гражданское общество создает альтернативные системы взаимопомощи и племенного правосудия. Это неформальные формы управления, которые создаются организациями гражданского и «негражданского» общества, и которые определяют их деятельность. В условиях слабого государства или его распада, природа и роль гражданского общества определяются покровительством, племенной принадлежностью и нередко коррупцией. Дело в том, что гражданское общество призвано заполнять собой пустоту, образовавшуюся после распада государства, предоставляя услуги населению, при этом взаимодействуя в подпольными незаконными каналами «теневого государства». Наконец, в случае существования признанного государства с ущемленным суверенитетом или неполной независимостью, гражданское общество, как правило, лишено влияния и не несет ответственности из-за отсутствия на государственном уровне инстанций, с которыми оно могло бы работать.

Если институты власти в стране все-таки функционируют, вторым условием, определяющим деятельность гражданского общества во время конфликта, является сущность конкретного режима. Поскольку деятельность гражданского общества должна быть санкционирована государством и пользоваться его защитой, его существование, природа и роль определяются степенью демократичности режима, наличием свободы создания ассоциаций, а также соблюдением основополагающих прав и свобод, которые обычно гарантированы в демократическом государстве. При ограничении таких прав и свобод, гражданское общество развивается за рамками правового поля, стремясь не столько сотрудничать с государством, сколько дестабилизировать его. В таком случае становится еще сложнее установить различие между организациями гражданского и «негражданско-

го» общества. К примерам такого феномена относятся революционные движения, боровшиеся против авторитарных режимов Латинской Америки в 1970-е и 1980-е годы, а также советские диссиденты. Даже в рамках формально демократических государств форма гражданского общества определяется особенностью демократии в конкретном государстве. В националистическом государстве выше вероятность существования в рамках гражданского общества «негражданских» элементов, руководствующихся расистскими идеями или занимающихся деятельностью ксенофобского характера. Очевидным примером является подъем нацистских движений в современной Германии, а также сохранение позиций Ку-клукс-клана в США. В демократических странах, где большое внимание уделяется армии и военной культуре, гражданское общество часто ассоциируется с борьбой за демократизацию и цивилизованную политику. Если в основе демократического режима лежит идеология, которую разделяет значительная часть населения (например, сионизм в Израиле, кемализм в Турции), гражданское общество осуществляет функцию надзора и выступает критиком государства в негласных, но четких пределах. При этом в таких странах действует так называемый «социокультурный рефлекс», когда гражданское общество вместе с государством встает на защиту от реальных и мнимых угроз существующему идеологическому порядку.

Недостаточный уровень социально-экономического развития, которому присуще доминирование традиционных форм ассоциации над современными, является третьим аспектом, определяющим среду функционирования организаций гражданского общества. По мнению Эрнеста Геллнера (Gellner, 1995), в то время как гражданскому обществу присуща «модульность», обществу с традиционным укладом присуща «сегментированность». Модульность встречается, преимущественно, в развитых странах, характеризуется принципом добровольности и является залогом функционирования гражданского общества в современном мире. Напротив, в сегментированном обществе, существующем в основном в развивающихся странах, гражданское общество гораздо в большей степени построено на принципе принудительного, нежели добровольного участия (будь то в рамках семьи, племени, этнической группы или религиозного сообщества). Нередко связи, отношения лояльности и солидарности в рамках таких форм ассоциации гораздо сильнее и устойчивей, чем в группах, образованных по добровольному принципу. Так, хотя принудительная ассоциация может подразумевать ограничение прав по гендерному принципу и иных прав в частной жизни, такое общество в большей степени способно выполнять многие «современные» функции, которые в развитых странах берет на себя гражданское общество (например, предоставление религиозными благотворительными организациями медицинских и образовательных услуг). Отказ от изучения деятельности таких групп приведет к утрате значительного пласта информации о гражданском обществе в развивающихся странах. Африка является ярким примером важности племенной принадлежности в политическом и социально-экономическом плане.

Наконец, последним аспектом, определяющим среду, в которой существует гражданское общество, выступает специфика и роль международного сообщества. В настоящее время наблюдается тенденция к снижению роли государства в предоставлении услуг как на национальном, так и международном уровнях, что ведет к приватизации мировой политики. Это открыло перед организациями гражданского общества возможность работать и процветать внутри страны и по всему миру. В рамках этой тенденции многие

функции, которые некогда выполняли правительственные организации, перешли к гражданскому обществу в таких областях как развитие и безопасность. С 1980-х годов НПО стали основным каналом предоставления помощи в целях развития (Sogge, 1996). Развитые страны и международные организации передали реализацию программ помощи на откуп местным и международным НПО, найдя в их лице посредников и способ сохранить свободу действий в этой сфере (Fisher, 1997). Деятельность западных стран по продвижению демократии и прав человека в странах третьего мира также в последнее время было в значительной степени завязано на сотрудничестве с организациями гражданского общества (Ottaway & Carothers, 2000). Ученые доказали на многочисленных примерах, что содействуя развитию определенного типа гражданского общества (например такого вида НПО, которые в академической среде называют «ненизовыми организациями»), страны-доноры тем самым добиваются ослабления общественных организаций, которые действительно связаны с обществом и удовлетворяют его социальные потребности. В этом отношении показательны примеры Палестины и Боснии-Герцеговины. Под влиянием стран-доноров создается новый тип гражданского общества, представленного технократическими, специализированными организациями, члены которых придерживаются идеологии неолиберализма, представляют урбанизированный средний класс и работают на пользу не столько их страны, сколько международного сообщества (Challand, 2008). Кроме того, на природу и роль гражданского общества также влияют изменения с точки зрения международной безопасности. С 1990-х годов, по мере роста числа гуманитарных операций, многие миротворческие функции были переданы частному сектору и гражданскому обществу (Brahimi Report, 2000; Goodhand, 2006; Richmond & Carey, 2005). Одновременно росло количество либеральных гуманитарных, спасательных, политических и финансовых организаций, а также организаций, выполняющих военные функции. С началом нового тысячелетия и началом политики «глобальной войны против терроризма» роль (некоторых) общественных организаций снова изменилась за счет более выраженной ориентации на курс государств. Таким образом, хотя на определенных этапах общественные организации представляли «низы» и выступали в качестве противовеса официальной власти, они также выполняли роль функционального придатка в рамках неолиберальной парадигмы. В конфликтных ситуациях, отмеченных насилием, наличие внешней поддержки в том, что касается финансирования и предоставления оружия, может сыграть существенную роль. В качестве примера можно привести финансовую поддержку Майдана/пост-Майдана в Украине (Weiss, 2015)

От эскалации до милитаризации конфликта

Еще одной переменной в нашем исследовании роли гражданского общества в конфликтах является деятельность, в которой задействованы общественные организации. В этом отношении центральное место занимает проблема эскалации конфликта, которая может привести к милитаризации гражданского общества. В ходе конфликтов часто воз-

никают ситуации, в которых образованные по этническому или религиозному принципу группы выступают с взаимоисключающих позиций. Как только эта несовместимость становится очевидной, деление на сторонников той или иной группы распространяется на другие области, организации и виды деятельности, что повышает вероятность проведения в обществе политики, удовлетворяющей интересы только одной из групп. Анализируя частный пример конфликтов на этнической почве, Дональд Хоровитц (Horowitz, 1985, 12) писал:

В разобщенных обществах центральное место в политической жизни занимают конфликты на этнической почве, которые представляют угрозу для единства государства, а иногда даже для мирных отношений между странами. В ходе этнических конфликтов могут нарушаться нормы цивилизованного поведения, что часто становится причиной насилия, сопровождающегося грабежом, гибелью людей, бездомностью и большим количеством беженцев. Разобщенные общества характеризуются наличием сильных, всепроникающих, активных и повсеместных этнических связей.

Распространение различных субъективных и предвзятых позиций может привести к расколу общества. В таком случае принято выделять ранжированные и не ранжированные системы (ibid.: 22). Разница между этими двумя системами заключается в наложении принадлежности к социальной группе, идеологической ориентации, религиозной принадлежности и этническому происхождению. В ранжированной системе этническая принадлежность четко увязана с социальной группой и кастовой структурой. Соответственно, такое общество организовано по иерархическому принципу, а не параллельному, как в случае с не ранжированными системами, что оказывает огромное влияние на то, как развиваются конфликты. Например, в обществах, структурированных по этническому принципу, при доминировании одной этнической группы в определенном институте власти высок риск использования такого института в целях такой этнической группы. В таком случае, жадность сталкивается с недовольством, тогда как вероятность достижения согласия в рамках правового поля снижается, что нередко приводит к мобилизации дискриминируемой группы с выходом из правового и институционального поля. Дискриминируемая группа может перейти на подпольную ненасильственную или насильственную деятельность, в результате чего конфликт переходит из латентной в острую фазу.

На стадии эскалации конфликта также важно учитывать внешние условия. Стремясь захватить власть и обеспечить свою легитимность, местные ОКО могут ссылаться на международные нормы, часто получая при этом поддержку от схожих международных организаций (Keck & Sikkink, 1998). В качестве примера можно привести апеллирование к нормам международного права политиками и представителями гражданского общества в Восточном Тиморе и Южном Судане. Не имея возможности задействовать местную нормативно-правовую базу и политические ресурсы, они обращаются к внешним ресурсам как к единственному средству повлиять на баланс сил в своей стране. В результате, на местном уровне конфликты проявляются ростом напряженности и насилием внутри страны, а на международном уровне оборачиваются апеллированием к законам и правам, что может быть использовано в стратегических целях, а иногда даже приводить к эскалации конфликта. Еще одним пример – ссылки на право самоопределения борцами

за независимость Тибета. Требования соблюдения прав человека и борьбы с дискриминацией были умело использованы Африканским национальным конгрессом в Южной Африке во время борьбы против апартеида. Можно также привести и пример итальянского движения сопротивления во времена Второй мировой войны и победы над фашистским режимом. Ссылаясь на признанную международным сообществом необходимость борьбы против авторитарного образа правления, итальянские партизаны смогли в решающий момент получить необходимую поддержку извне.

Местные, иностранные и транснациональные ОКО могут играть ключевую роль на стадии возникновения и эскалации конфликта. Они могут предотвратить перерастание конфликта в острую фазу, повышая осведомленность населения о латентном конфликте путем проведения массовых демонстраций, распространения своих идей в СМИ, проведения народных собраний, а также наблюдая за проявлениями конфликта и изобличая их. В то же время, при переходе конфликта на стадию насилия они могут способствовать росту напряженности, организуя и командуя группами бойцов и ополченцев (например, бойцы на Донбассе или повстанческое движение Сендеро Луминосо в Перу). На международном уровне они могут призывать к оказанию опосредованной поддержки в виде финансирования или предоставления оружия, а также подталкивать международное сообщество к прямому вмешательству в конфликт (например, для оказания посреднических услуг или ведения военных действий). В качестве примера можно привести сирийских «повстанцев», которые не прекращают просить о вмешательстве иностранных сил.

Механизмы политизации

Мобилизация гражданского населения нередко является результатом радикализации политических идентичностей. Конфликт представляет собой столкновение людей с различной этнической идентичностью, которую они определяют самостоятельно, выдвигающих взаимонеприемлемые требования. В отличие от мира конфликт характеризуется несовместимостью позиций. Он может не иметь каких-либо открытых проявлений, как, например, в случае со структурным латентным насилием, или проявляться насильственным или ненасильственным образом (например, в виде политической деятельности). Проблема несовместимости обусловлена определением группы. Принадлежность к сформированной по этническому признаку группе характеризуется первостепенностью по отношению к другим видам идентичности, носит принудительный и исключительный характер и строится на принципе противопоставления «свой-чужой». Действительно, этно-политические конфликты характеризуются наличием разногласий между государством и существенной частью населения или между различными группами населения. Противоречия и разногласия обусловлены этнической принадлежностью, которая основана на мифе об общем происхожде-

нии группы людей. Понятия происхождения и родства в этом контексте приобретают центральное значение. Таким образом, этническая идентичность, как правило, основана не на месте рождения, а на этнической принадлежности родителей. Так, Рабочая партия Курдистана в Турции подчеркивала значимость этнического аспекта курдской проблемы. Также необходимо упомянуть конфликты в Северной Ирландии, стране Басков или итальянской провинции Больцано.

В этой связи важно учитывать степень открытости ОКО для новых членов. Грубо говоря, двумя крайностями является открытый и универсалистский подход, с одной стороны, и закрытость группы, с другой стороны. Группа может принимать в свои ряды всех лиц, задействованных в конфликте, или сконцентрироваться на ограниченном сегменте населения по этническому принципу. При открытой позиции подразумевается создание единой культурной идентичности или гражданской, многослойной и гибридной идентичности. Закрытый подход основан на идее существования первостепенных, не меняющихся идентичностей.

Еще одной важной характеристикой ОКО является наличие или отсутствие принципа равенства. Если группа основана на принципе равенства, в нее может входить кто угодно вне зависимости от разделительных линий конфликта, тогда как при отрицании принципа равенства считается, что одна группа имеет превосходство по отношению к другой. Сочетание этих двух характеристик позволяет выявить четыре основных типа ОКО с точки зрения их отношения к конфликту. Очевидно, что речь идет об идеальных типах, тогда как в реальной жизни у большинства ОКО можно обнаружить постоянно меняющиеся характеристики разных типов. Тем не менее, выделение таких типов представляется необходимым для того, чтобы иметь возможность проанализировать идентичность участников конфликтов.

ОКО, которые придерживаются принципов открытости и равенства, присуща гражданская, пост-национальная идентичность. В отличие от других категорий, в рамках этой идентичности особый акцент делается на человеческой личности. Соответственно, речь идет либо о либеральной гражданской, то есть не этнической, идентичности, либо о принятии и поддержке множества идентичностей при условии свободы выбора. К этой группе относятся такие международные НПО, проповедующие либеральные ценности, как Human Rights Watch, «Врачи без границ» и Amnesty International, а также местные группы, охватывающие различные конфликтующие стороны, как, например, «Женщины в черном» в Израиле и Палестине или кипрский центр в Никосии Института исследований проблем мира в Осло. Хотя эти группы обычно занимаются миротворческой деятельностью, они также могут своими действиями способствовать эскалации конфликтов путем обнародования и осуждения замалчиваемых фактов.

Под мультикультурной ОКО понимается группа, в которой все члены равны между собой, признаются и ценятся различные культурные идентичности и не предпринимаются попытки вмешиваться в них. К этому типу относятся межкультурные движения или организации (например, «Фонд трех культур» в Севилье) или межрелигиозные объединения (например, Молитвенный день в Ассизи, межрелигиозный диалог по вопросу ближневосточного урегулирования или Диалог цивилизаций, инициированный бывшим президентом Ирана Хатами). Действуя на международном уровне, межрелигиозные группы могут подчеркивать и осуждать несоблюдение принципа равенства в рамках конкретных групп в ходе конфликтов, что приводит к повышению уровня осве-

домленности населения об этой проблеме и способствует мобилизации представителей дискриминируемого сообщества. Инициатива о создании таких организаций может исходить от элиты или снизу.

Если ОКО относится к ассимиляционному типу, оно стремится к идеалу создания единого и неделимого общества, но при этом характеризуется нарушением принципа равенства, насаждением единообразия в обществе при господстве одной этнической группы. К этому типу относятся такие группировки как «Серые волки» в Турции, которая выступает с позиции превосходства турецкой идентичности, но при этом не против ассимиляции других групп в турецкую нацию. При условии соблюдения требований, новоиспеченные турки получают равные права с другими гражданами. В качестве других примеров ассимиляции можно привести новообращенных христиан в Соединенных Штатах, исламских фундаменталистов и практику этнического изнасилования во время войны, несмотря на существование между ними различий с точки зрения стратегии и действий.

Наконец, последним типом ОКО является расово-этнический тип, который характеризуется закрытостью и отсутствием равенства, верой в превосходство одной идентичности, не поддающейся ассимиляции. Сторонники такого типа выступают за этнические чистки или систему апартеида, в которой часть населения считается гражданами второго сорта. В качестве примеров можно привести крайне правые движения Израиля, выступающие за изгнание палестинцев в соседние арабские страны, Ку-клукс-клан в Соединенных Штатах и австралийскую группу «Аделаидский институт», отрицающую Холокост.

Помимо обстановки, в которой ОКО осуществляют свою деятельность, их идентичности и спектра действий, последним аспектом, необходимым для понимания механизмов мобилизации является структура политических возможностей (СПВ), которой обладают такие организации. СПВ является не столько самостоятельным фактором, сколько фильтром, определяющим последствия действий ОКО на различных этапах конфликта. Хотя СПВ связана с фактором контекста, анализ которого приведен ранее, отличие этого показателя заключается в его роли. Речь идет о национальных институтах власти (наличие или отсутствие государства, степень развития демократии и ее тип), национальном развитии (уровень социально-экономического развития) и внешних действующих лицах (международное присутствие). Главной отличительной особенностью СПВ по отношению к контексту является фактор времени. Дело в том, что по ходу развития конфликта влияние ОКО на события меняется по сравнению с первоначальной обстановкой.

Таким образом, первой структурной характеристикой СПВ является фактор времени. На стадии насилия или эскалации конфликта, при поляризации позиций субъектов, действия по разжиганию конфликта ОКО, относящихся к ассимиляционному и расово-этническому типу, наверняка окажутся более эффективными, чем попытки ОКО гражданского или мультикультурного типа повлиять на суть и цели конфликта. Нет никаких подходов или действий, которые были бы по определению более эффективными по сравнению с другими. Все дело в осуществлении нужных действий в нужное время. Залогом эффективности является совершение определенных действий в соответствующий момент времени.

С национальной обстановкой связаны еще две структурные характеристики. Во-первых, речь идет о существовании и природе институтов власти страны в ходе

конфликта. К этому относится создание конституционной и правовой среды и органов государственной власти, а также те, кто руководит их деятельностью (например, политические партии). Например, наличие конституционных и правовых гарантий права на свободу объединений и его поддержка властями определяет действия ОКО, а значит влияет и на течение конфликта. Примеры Грузии и России представляют собой оборотные стороны одной медали. В Грузии сразу после «Революции роз» 2004 года была проведена серия реформ, нацеленная на снятие преград для деятельности гражданского общества (в частности, упрощена процедура регистрации и снижена налоговая нагрузка), хотя из-за тесной связи с режимом Саакашвили гражданское общество не получило полной независимости, что снизило его привлекательность в глазах населения. В России, напротив, согласно закону об НПО 2006 года были введены жесткие бюрократические требования для регистрации НПО, что сильно ограничило пространство для маневра международных организаций, относящихся к гражданскому и мультикультурному типу.

Речь также идет об общем уровне экономического, политического, социального и культурного развития. Так, например, влияние и консолидирующий эффект ОКО зависит от того, насколько общественное мнение готово принимать участие в политической деятельности и акциях протеста НПО. Можно привести положительный пример: после 1974 года Южный Кипр пережил период стремительного экономического подъема, что способствовало развитию и преобразованию гражданского общества. Есть и отрицательный пример: упадок на оккупированных территориях Палестины до заключения Соглашения в Осло, в особенности после начала второй Интифады, подорвал развитие некогда процветающего гражданского общества. Этому также способствовал приток средств с запада в неэффективные НПО, что ослабило коренные организации гражданского общества (Le More, 2008).

Последней структурной особенностью СПВ является роль международной системы и ее участников. В ситуации, когда международное сообщество стремится к войне, пацифистски настроенные ОКО оказываются в меньшинстве, тогда как ястребы получают необходимую политическую и материальную поддержку. Ярким тому примером является конфликт в Косово, в ходе которого запад поддерживал Косово, а не Сербию, делая действия националистических организаций легитимными, что, в итоге, привело к признанию независимости Косово в 2008 году. Пацифистские организации могут повысить свою роль за счет сближения с международными силами, которые выступают против войны, репрессий или дискриминации. Например, перед Олимпийскими летними играми 2008 года в Пекине, ряду тибетских организаций удалось привлечь внимание международного сообщества, добиться поддержки своей деятельности и оказать давление на власти Китая. Однако нередко вмешательство международных организаций приводит к обратным последствиям. Сотрудничество с международной организацией может не столько укрепить ОКО, сколько изменить суть его деятельности. Помимо вышеупомянутого примера с гражданским обществом Палестины, можно также сослаться на пример Боснии и Герцеговины, где серьезное присутствие международных сил и ЕС после Дейтонских соглашений оказало сильное влияние на природу, действия и способ функционирования местных организаций гражданского общества, стремившихся получить политическую и финансовую поддержку. Сочетание международных и местных тенденций остается ключевым фактором для понимания проблемы политической мобилизации в деятельности ОКО.

Заключение

Влияние ОКО на конфликты определяется сочетанием особенности обстановки (контекста), их идентичности, рамок, в которых они осуществляют свою деятельность, и структурой политических возможностей. Под влиянием понимаются как непосредственные результаты определенных действий (например, оказание помощи беженцам), так и влияние в более широком плане на конкретное проявление конфликта (например, укрепление международного права в области защиты прав беженцев и их право вернуться на родину). Непосредственное влияние ОКО определяется общим контекстом, в котором разворачивается кризис, идентичностью таких организаций, их действиями в четырех основных областях и структурой политических возможностей, которыми они обладают. Идентичность и действия ОКО обусловлены и в то же время влияют на экономический, политический, социальный, культурный и правовой контекст их деятельности. Таким образом, выстраивается следующая причинно-следственная цепочка. Контекст определяет идентичность ОКО, которая, в свою очередь, определяет цели и рамки деятельности таких организаций. Способность ОКО использовать структуру политических возможностей в ходе конфликта определяет их роль в целом и, в частности, в конкретной обстановке, которая задает первоначальный контекст.

Библиография

1. *Brahimi Report. (2000). Report of the Panel on United Nations Peace Operations. New York: United Nations, A/44/305, S/2000/809. /Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира/*
2. *Buzan, B., Wæver, O., & De Wilde, J. H. (1998). Security. A New Framework For Analysis. Boulder and London: Lynne Rienner. /Безопасность. Новая система анализа/*
3. *Challand, B. (2008). Palestinian Civil Society: Foreign Donors and the Power to Promote and Exclude. London: Routledge. /Гражданское общество Палестины: Иностранные доноры и возможность помогать и исключать/*
4. *Chambers, S., & Kopstein, J. (2001). Bad Civil Society. Political Theory, 29(6), 837-886. /Плохое гражданское общество. Политическая теория/*
5. *Chandler, D. G. (2001). The Road to Military Humanitarianism: How the Human Rights NGOs Shaped a New Humanitarian Agenda. Human Rights Quarterly, 23(3), 678-700. /Дорога к военному филантропизму: как правозащитные организации изменили гуманитарную сферу/*
6. *Douma, N., & Klem, B. (2004). Civil War and Civil Peace. A Literature Review of the Dynamics and Dilemmas of Peacebuilding through Civil Society: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. /Гражданская война и гражданский мир. Обзор литературы о динамике и проблемах миротворчества с точки зрения гражданского общества/*
7. *Fisher, W. F. (1997). Doing Good?: The Politics and Antipolitics of NGO Practices. Annual Review of Anthropology, 26, 439-464. /Творить добро? Политика и анти-политика деятельности НПО/*

8. Forster, R., & Mattner, M. (2006). *Civil Society and Peacebuilding. Potential, Limitations and Critical Factors*. Washington, DC: World Bank, Social Development Dept., Sustainable Development Network. /Гражданское общество и миротворчество. Потенциал, ограничения и основные факторы/
9. Gellner, E. (1995). *The Importance of Being Modular*. In J. Hall (Ed.), *Civil Society: Theory, History and Comparison*. Cambridge: Blackwell. /Важность модульности/
10. Goodhand, J. (2006). *Aiding Peace? The Role of NGOs in Armed Conflict*. Bourton on Dunsmore, Rugby: ITDG Publishing. /Содействие миру? Роль НПО в вооруженных конфликтах/
11. Horowitz, D. L. (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press. /Этнические группы в конфликтах/
12. Kaldor, M., & Muro-Ruiz, D. (2003). *Religious and Nationalist Militant Groups*. In M. Kaldor, H. K. Anheier & M. Glausius (Eds.), *Global Civil Society 2003* (pp. 151-184). Oxford: Oxford University Press. /Группы религиозных и националистических активистов/
13. Keck, M., & Sikkink, K. (1998). *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press. /Активисты без границ: правозащитные организации в международной политике/
14. Le More, A. (2008). *International Assistance to the Palestinians after Oslo: Political Guilt, Wasted Money*. London: Routledge. /Международная помощь палестинцам после Соглашения в Осло: чувство политической вины, потерянные деньги/
15. Marchetti, R., & Tocci, N. (Eds.). (2011a). *Civil Society, Ethnic Conflicts, and the Politicization of Human Rights*. Tokyo: United Nations University Press. /Гражданское общество, этнические конфликты и политизация проблемы прав человека/
16. Marchetti, R., & Tocci, N. (Eds.). (2011b). *Conflict Society and Peacebuilding*. New Delhi: Routledge. /Конфликтное общество и миротворчество/
17. Ottaway, M., & Carothers, T. (Eds.). (2000). *Funding Virtue: Civil Society Aid and Democracy Promotion*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. /Финансирование добродетели: оказание помощи и продвижение демократии гражданским обществом/
18. Puglisi, R. (2015). *A People's Army: Civil Society as a Security Actor in Post-Maidan Ukraine* IAI working paper series 15. Rome: IAI. /Народная армия: гражданское общество как фактор безопасности на Украине после Майдана/
19. Richmond, O. (2005). *The Transformation of Peace*. Aldershot: Palgrave. /Преобразование мира/
20. Richmond, O., & Carey, H. (2005). *Subcontracting Peace: The Challenges of NGO Peacebuilding*. Aldershot: Ashgate. /Мир на субподряде: проблемы осуществления миротворческой деятельности силами НПО/
21. Sogge, D. (Ed.). (1996). *Compassion and Calculation. The Business of Private Foreign Aid*. London: Pluto Press. /Сострадание и расчетливость. Частная иностранная помощь как бизнес/
22. Weiss, M. (2015). *Crowdfunding the war in Ukraine - From Manhattan*. *Foreign Policy*, 4. /Сбор средств на военные действия на Украине путем краудфандинга/